

УДК 882

DOI: 10.34670/AR.2022.35.44.042

Закон суров, но справедлив? (По роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»)

Шибанов Алексей Алексеевич

Соискатель,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: Alexeytranslate@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются содержание, а также соотношение понятий «справедливость» и «закон» в аспекте социально-философских, правоведческих и религиозных исследований. Основные задачи: выявление семантических особенностей понятия «справедливость»; определение роли «законов» в реализации идеи справедливости на различных этапах исторического развития общественной мысли; исследование соотношения анализируемых понятий в качестве дополняющих и определяющих друг друга концепций на примере романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Анализ теоретических источников позволяет прийти к выводу, что справедливость, как абсолютная категория, содержит в себе элементы несправедливости, доля которых зависит от уровня развития общества. Представители русской классической литературы XIX века (в том числе и М.Е. Салтыков-Щедрин), со свойственным им извечным стремлением к детальному анализу противоречий социальной действительности, не могли обойти вниманием рассматриваемую проблему, так как «справедливость» и «закон» являются критериями, определяющими духовную составляющую существующего общественного строя, а следовательно, его жизнеспособность. В статье представлен анализ образной системы романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», позволяющий прийти к выводу, что для каждого из героев представление о справедливости и законе имеет свой субъективный смысл. Салтыков-Щедрин наглядно показывает, что формальное соблюдение законов как религиозных, так и светских, пусть даже безукоризненное, не позволяет достичь справедливости. Законы субъективны и относительны, а значит, относительно и субъективно понятие справедливости, и наоборот.

Для цитирования в научных исследованиях

Шибанов А.А. Закон суров, но справедлив? (По роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 4А. С. 330-339. DOI: 10.34670/AR.2022.35.44.042

Ключевые слова

Закон и литература, категории морали и права, философско-правовые концепции, понятия справедливости и закона, социальная действительность, образная система произведения, субъективный смысл.

Введение

Русская классическая литература во все времена отличалась необыкновенной философской глубиной и жесткой реалистичностью в изображении противоречий общественного мироустройства. Осмысление значимых категорий морали и права стало своеобразным «знаковым явлением» в прозе XIX века, позволяющим рассматривать творчество А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. в аспекте этико-правовых концепций литературоведческих исследований. Отечественные классики не только затрагивали на страницах своих произведений актуальные вопросы права, но и проявили себя как выдающиеся общественные деятели, «поскольку были обеспокоены несправедливостью и беззаконием, свидетелями которых они становились» [Шевченко, Макарычев, 2018]. Наиболее показательны в этом отношении творчество и профессиональная деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина – критика «правовых порядков, не отвечающих требованиям гуманизма, справедливости и равенства» [Егоров, 2012].

Постановка проблемы: понятия «справедливости» и «закона», обнаруживая семантическую близость, как морально-этические категории, в конкретных социально-исторических условиях приобретают противоположные смыслы и выступают как взаимоисключающие концепции правового положения человека в обществе. Неоднозначность и противоречивость законов, регламентирующих реализацию идеи справедливости, становится главным предметом изображения в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Целью статьи является анализ философско-правовой семантики, а также соотношения понятий «справедливость» и «закон» в контексте представлений о субъективности и относительности каждого из этих понятий как по-отдельности (как отдельно взятой концепции), так и при их рассмотрении в качестве дополняющих и определяющих друг друга концепций на примере романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Для этого поставлены соответствующие *задачи*:

- выявить семантические особенности понятия «справедливость» в аспекте социально-философских, правоведческих и религиозных исследований;
- определить роль «законов» в реализации идеи справедливости на различных этапах исторического развития общественной мысли;
- рассмотреть соотношение анализируемых понятий в качестве дополняющих и определяющих друг друга концепций на примере романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Анализ последних исследований

Этимология слова «справедливость» прослеживается от прилагательного справедливый, из польского *sprawiedliwy* «справедливый», а далее значение связывают с общеславянским – правда (*pravda*) [Клименко, 2011]. Подобная интерпретация позволяет установить этимологическую близость понятий справедливый – правда – праведный.

В определениях большинства Толковых словарей русского языка, справедливость, означает «...истинность, беспристрастность», «беспристрастие, справедливое отношение к кому чему-нибудь», «справедливость беспристрастие, непредубежденность, непредвзятость, объективность, правда...» и т.д. [Ожегов, 2006].

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова слово «праведный» приводится в двух значениях: «1. Благочестивый, не погрешающий против

правил, требований религиозной нравственности, морали», «2. Проникнутый правдой (в 3 знач.), соответствующий идеалу нравственной чистоты и справедливости» [Ушаков, 2008].

Согласно определению, содержащемуся в МАС, слово «праведный» также многозначно. В первом значении представлено без помет: «Праведник, а. м. Человек, строго придерживающийся заповедей, моральных предписаний какой-либо религии» [МАС, 1983, 352]. Во втором значении «праведник» – «перен., обычно ирон. Тот, кто в своих действиях руководствуется принципами справедливости, честности, не нарушает правил нравственности» [там же].

Таким образом, в семантике слова «справедливый» выделяется два значения: прямое, имеющее социально-психологическую обусловленность и выражающее беспристрастное, непредубежденное отношение к чему-либо, и переносное, основанное на ценностном осмыслении справедливости как нравственно-этической категории.

С точки зрения философско-правоведческих исследований, понятие справедливости выступает в качестве одного из центральных в системе социальных норм, определяющих законы человеческого общежития.

Анализируя значение и особенности происхождения понятия «справедливость» Т.В. Клименко утверждает, что «на протяжении веков оценивались, и будут оцениваться с позиций справедливости либо ее отсутствия (несправедливости) многие системы, законы и социальные институты» [Клименко, 2011].

В своем прямом значении понятие «справедливость» предполагает наличие в социальной действительности правового начала и регламентирует его правильность, императивность и необходимость посредством законов, регулирующих общественные отношения.

Н.Д. Дурманов справедливо отмечает «... латинское слово *iustitia* переводится на русский язык и как «справедливость», и как «правосудие». Таким образом, не совсем ясно, идет ли речь по существу об одном понятии или о разных. Возможно, мы имеем дело в данном переводе со справедливостью, включающей в себя и правосудие» [Дурманов, 1967].

Реализация принципов правосудия (справедливости) возможна посредством законов, причем как религиозных, так и светских, гражданских. Именно «законы представляют собой совокупность установленных высшей властью правил поведения между людьми, являются неким регулятором человеческих отношений, позволяющим создать и сохранить справедливое общество, в котором торжествует свобода» [Величко, 2013, 30].

Невзирая на исчерпывающую полноту данных определений, их теоретическую целостность и бесспорность, все же необходимо помнить о неоднозначности и относительности понятий «закон» и «справедливость», ведь законы и та «высшая власть», которая их устанавливает, в разные времена были различны. Исключение составляют религиозные законы, единожды и на все времена закрепленные в заповедях Священного Писания, Коране и т.д. Например, согласно христианскому учению, Божественная справедливость отличается от справедливости человеческой тем, что не стремится к возмездию за совершенные деяния и ставит милосердие гораздо выше необходимости наказания.

Исходя из множества интерпретаций анализируемых терминов, представляется необходимым сделать краткий обзор эволюции понятия «справедливость» и постараться ответить на вопрос, возможно ли существование справедливости в реальности, или же это всего лишь теоретическая концепция.

Со времен античности выдвигались самые различные теории и определения понятия «справедливость». Древние греки полагали, что возмездие за любые, даже неумышленные преступления, в любом случае постигнет человека, и сам человек – не судья и не вершитель

справедливости, справедливость осуществляется сверху сама по себе некими внешними силами. Ранние теории справедливости были изложены древнегреческими философами, например, Платоном в его труде «Государство» [Платон, 2007] и Аристотелем в его «Никомаховой этике». В рассматриваемых источниках понятие справедливости выступает в своем первом значении, как, в первую очередь явление социальное, определяющее законы человеческого общежития.

В ветхозаветные времена: иудеи – это избранный народ, способный самостоятельно вершить суд по принципу: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб. Новый завет предлагает полагаться на Бога в решении вопросов справедливости. Люди должны быть покорными, любить и прощать ближнего своего, соблюдать мирские законы. Сторонники теории божественного повеления говорят, что справедливость исходит от Бога. И в этом смысле понятие справедливости сближается с категорией праведности во втором переносном значении, как выражение представлений человека об истинном гуманизме и высшем милосердии.

В 1600-х годах такие философы, как Джон Локк, утверждали, что источником справедливости является естественное право. Теория общественного договора утверждала, что справедливость проистекает из взаимного согласия между людьми. В 1800-х годах философы-утилитаристы, такие как Джон Стюарт Милль, утверждали, что справедливость основана на наилучших результатах для наибольшего числа людей. Теории распределительной справедливости изучают, что должно быть распределено, между кем и как должно происходить распределение и каковы методы правильного распределения. Эгалитаристы утверждают, что справедливость может существовать только в координатах равенства.

Джон Роулз использовал Теорию общественного договора, чтобы доказать, что справедливость, и особенно распределительная справедливость, является основной формой справедливости в чистом виде. Роберт Нозик и другие заявляли, что права собственности, также относящиеся к сфере распределительной справедливости и естественного права, максимизируют общее богатство экономической системы. Теории карательной справедливости гласят, что проступки должны быть наказаны, чтобы обеспечить справедливость. Тесно связанная с ними реституционная справедливость (также иногда называемая «репаративной справедливостью») представляет собой подход к справедливости, который фокусируется на потребностях жертв и возмездии для правонарушителей.

В эпоху новейшей истории религиозные доктрины все больше уходят на второй план, люди потеряли веру в загробную жизнь и хотят жить здесь и сейчас, и спор о справедливости разгорается с новой силой. Все больше уходит на второй план и философское осмысление человечеством понятия справедливость. Ведь поступать несправедливо порой гораздо выгоднее и удобнее, и, хотя недавно созданная математическая теория игр и предполагает, что в долгосрочной перспективе альтруистические стратегии более выгодны, однако зачастую люди стремятся к моментальной наживе здесь и сейчас, в этом случае и может начаться несправедливость.

Таким образом, учитывая динамизм в эволюции представлений о справедливости, а также их относительный характер, необходимо четко осознавать, что справедливость содержит в себе элементы несправедливости, доля которых зависит от уровня развития общества (правовых, моральных, экономических, политических и других отношений). Осмысление справедливости, как ценностного отношения личности к миру, выражения представлений об истинном милосердии и готовности служить идеалам добра и правды, все более отходит на второй план, уступая место социально-правовому аспекту своего прямого значения, и в этом смысле приобретает законодательную регламентацию.

Представители русской классической литературы (в том числе и М.Е. Салтыков-Щедрин),

со свойственным им извечным стремлением к детальному анализу противоречий социальной действительности, не могли обойти вниманием рассматриваемую проблему, так как «справедливость» и «закон» являются критериями, определяющими правовую составляющую существующего общественного строя, а следовательно, его жизнеспособность.

Что же такое справедливость, есть ли она, и каким образом философская концепция справедливости представлена в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина? Действительно ли соблюдение законов гражданских, религиозных и нравственных позволяет «создать и сохранить справедливое общество»?

С первых страниц романа «Господа Головлевы» обозначена проблема справедливости и правосудия. «Семейный суд» – так называется первая глава, и само заглавие наводит на тему справедливости, напоминает о том, что понятие «справедливость», «суд», «правосудие» и законы, по которым оно осуществляется, относится не только к сфере так называемого прикладного права: помимо юридических законов и суда есть Страшный суд, вершащий справедливость по законам Божественной справедливости. Также становится очевидным, что у каждого человека есть свой собственный внутренний суд, свои принципы, законы, по которым этот человек осуществляет и принимает «распределение... социальных ценностей», т.е. осуществляет и принимает справедливость. Из этого следует, что понятие закон – многогранно: если существуют гражданские, религиозные, нравственные законы, следовательно, так же многогранно и понятие справедливости.

Философская концепция справедливости Салтыкова-Щедрина находит свое отражение и в образной системе романа, причем для каждого из героев представление о справедливости имеет свой субъективный смысл. Все без исключения герои произведения стремятся к справедливости, поступают, как им представляется, по законам справедливости, но при этом оказываются либо разочарованными, либо сломленными «несправедливыми» законами жесткой социальной действительности. По мнению Салтыкова-Щедрина, главной ошибкой большинства представителей семейства Головлевых является поиск истоков несправедливости и беззакония в окружающей реальности, а не в собственной неспособности жить по законам добра и правды.

С точки зрения Арины Петровны Головлевой справедливость носит некий практический характер, помещица полагает, что поступать справедливо нужно не потому, что это правильно с какой бы то ни было точки зрения, а потому что поступать справедливо или формально справедливо выгодно ей самой в долгосрочной перспективе. Другими словами, справедливость Арины Петровны – это некая осознанная, математическая, справедливость: *«Вообще, как ни циничным может показаться это замечание, но справедливость требует сознаться, что оба эти случая, по поводу которых произошло «выбрасывание кусков», не только не произвели ущерба в финансах Арины Петровны, но косвенным образом даже способствовали округлению головлевского имени, сокращая число пайщиков в нем. Ибо Арина Петровна была женщина строгих правил и, раз «выбросивши кусок», уже считала поконченными все свои обязанности относительно постылых детей»* [Салтыков-Щедрин, 2008, 12]. Справедливость в представлении героини романа – защита экономических интересов семьи, рода, формальное следование общественным законам и традициям, не имеющая ничего общего с милосердием, праведностью, гуманным отношением к людям, в том числе и собственным детям.

Расчетливую справедливость Арины Петровны могло бы доказать и то, как она отпустила Анниньку и Любеньку из Погорелки: *«И не одно старческое бессилие участвовало в этой перемене, но и понимание чего-то лучшего, более справедливого»* [там же, 61]. Однако следует отметить, что в отличие от других представителей семейства Головлевых, в образе Арины

Петровны можно отметить элементы эволюции, развития. Понимание героиней «чего-то лучшего, более справедливого» можно интерпретировать, как начало прозрения, просветления, осознания справедливости не только в узком социально-материальном значении, но и как духовного благословения, смиренного принятия возможности выбора другими собственного пути, а в этом смысле понятие справедливости уже сближается с представлением о праведности.

Рассуждает о справедливости и Степан Головлев, и здесь также очевидно противоречие, субъективность в оценке героями одних и тех же событий: то, что Арина Петровна считает абсолютной справедливостью, ее сын критикует и считает несправедливостью. Степан Головлев утверждает: *«Несправедлива она ко мне была, обидела она меня, – а я ее уважаю! Умна, как черт, вот что главное!»* [там же, 43]. Таким образом, на уровне подсознания прослеживается некая необходимость героя быть справедливым наравне с чувством самосохранения или даже наравне с некими физиологическими потребностями, как неотъемлемое условие его существования.

С грустной иронией автор описывает чувства Степана Головлева, испытываемые героем при возвращении в родное имение, неслучайно упоминается им «Притча о Блудном сыне», в которой отец поступает по законам истинной справедливости и дарует прощение заблудшей душе: не найти герою такой справедливости со стороны родных. Отсутствие меркантильности и расчетливости, легкость, с которой подписывает Степан Головлев документы, подтверждающие отказ от наследства, его близость простым людям, умение находить с ними общий язык могли бы вызвать симпатию к герою, если бы не понимание читателем причин подобного поведения, среди которых можно назвать легкомыслие, инфантильность, но никак не бескорыстие и чистоту духовных помыслов, которые лежат в основе представлений о праведности.

Не дальше Степана в широте взглядов на справедливость идет его брат и главный герой произведения – Порфирий Головлев, Иудушка, способный произвести впечатление справедливого и рассудительного человека: *«Заслужили мы – вы наградите нас, провинились – накажите. Наше дело – повиноваться, а не критиковать. Если б вам пришлось даже и переступить, в минуту родительского гнева, меру справедливости – и тут мы не смеем роптать, потому что пути провидения скрыты от нас. Кто знает? Может быть, это и нужно так! Так-то и здесь: брат Степан поступил низко, даже, можно сказать, черно, но определить степень возмездия, которое он заслуживает за свой поступок, можете вы одни!»* [там же, 44]. Однако поступки Порфирия Владимировича резко отличаются от его слов, и, конечно, он никогда бы не позволил, чтобы кто-либо переступил «меру справедливости», так как вообще привык сам устанавливать, что справедливо, а что нет.

Справедливость Иудушки, в его понимании, – это справедливость абсолютная, он считает, что он поступает безапелляционно справедливо с каждым, а все поступают несправедливо по отношению к нему: *«Желаю! от души брату желаю! Не любил он меня, а я – желаю! Я всем добра желаю! и ненавидящим и обидящим – всем! Несправедлив он был ко мне – вот бог болезнь ему послал, не я, а бог! А много он, маменька, страдает?»* [там же, 48]. При этом следует обратить внимание на то, как Иудушка манипулирует понятием справедливости, для него есть справедливость мирская, гражданская, регулируемая законами, а есть и духовная, религиозная, регулируемая церковными понятиями. Салтыков-Щедрин подчеркивает, что манипулирование понятием «справедливость» служит для героя средством достижения собственных целей.

В зависимости от ситуации Порфирий Петрович трактует справедливость так, как это выгоднее ему. *«Не сделал? ну, и тем лучше, мой друг! По закону – оно даже справедливее. Ведь не чужим, а своим же присным достанется. Я вот на что уж хил – одной ногой в могиле стою!»*

а все-таки думаю: зачем же мне распоряжение делать, коль скоро закон за меня распорядиться может» [там же, 51].

Может показаться, что Иудушка издевается над братом, настолько искаженно представление о справедливости Порфирия Петровича. Однако, что интересно, у героя, порой, возникает и собственное, придуманное лично им понимание справедливости, которое позволяет ему даже самые ужасные и низкие поступки интерпретировать так, как будто он совершает какое-то благодеяние или подвиг. Вот что Иудушка говорит, сдавая своего собственного сына в детский приют: *«И это, да еще и то: пользы для него никакой дома не будет. Мать молода – баловать будет; я, старый, хотя и сбоку припека, а за верную службу матери... туда же, пожалуй! Нет-нет – да и снизойдешь...»* [там же, 130]. Он считает это справедливым как по гражданским, мирским понятиям, так и по религиозным законам. Его поддерживает и священник, с которым он ведет беседу: *«Справедливо это»* [там же, 146] – говорит батюшка, отвечая Порфирию Головлеву.

Необходимо отметить, что все же даже для такого пустого человека, как Иудушка, важно чувствовать, что именно он поступает правильно и справедливо, т.е. это еще раз доказывает, что чувство справедливости – это некий человеческий инстинкт, и даже самый отъявленный подлец никогда не признает, что он поступил несправедливо.

Следует отметить, что в образе Иудушки ханжество и абсурдность справедливости доведены до гротеска, приема, который Щедрин часто использует в своих художественных произведениях. Полностью отняв все имущество у матери и братьев, он продолжает утверждать *«Было бы на свечку да на маслице – вот я и доволен! А вообще, по справедливости... Да, маменька, и рад бы смолчать, а не сказать не могу: большой грех на вашей душе лежит, очень, очень большой!»* [там же, 147].

Порфирий Владимирович не только заставляет людей поверить в то, что он поступает справедливо, он доходит до того, что может заставить людей поверить в то, что они поступают несправедливо, это заметно при его разговоре с его дворовым Фокой. *«Ах, ах, ах! А я еще думал, что ты справедливый мужик, степенный!»* [там же].

Следует отметить, что в тексте также показано отношение к справедливости и других героев, например, сына Иудушки Головлева Володеньки, он рассуждает так: *«Не прямее ли было бы взять револьвер и приставить его к виску: господи! я недостойн носить ваш мундир! я растратил казенные деньги! и потому сам себе произношу справедливый и строгий суд!»* [там же, 150]. Это высказывание доказывает существование некоего мерил справедливости внутри каждого человека, своего собственного внутреннего суда совести, а так как каждому человеку свойственны уникальные черты характера, можно утверждать, что и справедливость будет для каждого своей, уникальной, отвечающей определенным субъективным критериям.

Интересен образ священнослужителя, который находит любой поступок Иудушки справедливым *«Справедливо», «И это справедливо», «И опять-таки вполне справедливо! – крякнул батюшка и от внутреннего ликования стукнул об блюдечко доньшком опорожненного стакана», «Уж на что же справедливее!»* [там же, 127]. Высказывания священника наводят на размышления о том, что не только сам человек может варьировать критерии справедливости по отношению к себе и окружающим в зависимости от тех или иных обстоятельств, но что и окружающие зачастую признают те или иные поступки человека справедливыми или несправедливыми, исходя из субъективной точки зрения и того, что им выгодно или невыгодно в определенный момент времени.

Заключение

Из представленных примеров видно, что Щедрин демонстрирует сложность понятия «справедливость», неоднозначность и противоречивость законов, регулирующих осуществление этой справедливости. Каждый из героев произведения стремятся к справедливости, поступает, как ему представляется, по законам справедливости, но при этом оказывается либо разочарованным, либо сломленным «несправедливыми» законами жесткой социальной действительности, не находит понимания среди окружающих.

Представляется очевидным, что причина последнего в одностороннем понимании справедливости, как соблюдения формальных законов и традиций, при отсутствии какого-либо стремления к приобщению нравственно-этическим составляющим рассматриваемой категории. Справедливостью подменяют несправедливость, пытаются манипулировать другими людьми, более того, иначе трактовать Божественные заповеди – такая справедливость, по мнению Салтыкова-Щедрина незаконна и античеловечна, как следствие, сопровождается полным духовным опустошением и разрушением личности, через которые предназначено пройти большинству представителей семейства Головлевых. По мнению автора, справедливость – категория, в первую очередь, определяющая способность человека не потерять себя в повседневности, среди множества обыденных мелочей и ложных целей.

На примере судьбы представителей различных поколений семейства Головлевых Салтыков-Щедрин наглядно показывает, что формальное соблюдение законов как религиозных, так и светских, пусть даже безукоризненное, не позволяет достичь справедливости: Порфирий Владимирович, доведя до самоубийства первого сына и отправив на каторгу второго, формально не нарушил никаких гражданских законов, более того, служа ежегодно панихиду в «*память кончины милого сына Владимира*» [там же, 138], герой считает, что не только не нарушил закон светский, но и что он строго и ревностно следует религиозному закону, как безгрешный праведник.

Также следовало бы отметить относительность рассматриваемых понятий (справедливость и закон) во времени: многие законы и принципы справедливости, по которым жили во времена Щедрина, в наши дни не имеют никакого значения. В каждую эпоху возникают новые законы, новые принципы справедливости, а затем через некоторое время они устаревают, полностью теряют свой смысл.

Таким образом, можно сделать вывод, что законы субъективны и относительны, а значит, относительно и субъективно понятие справедливости, и наоборот: понятие справедливости – субъективно и относительно, поэтому и законы – субъективны и относительны. По мнению Салтыкова-Щедрина, закон только в том случае должен охранять нормы справедливости, если они обусловлены единством социального и нравственно-этического содержания, направлены на служение идеалам милосердия, добра и правды.

Библиография

1. Аристотель. Никомахова этика. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf
2. Величко А.М. Закон и справедливость (философско-правовой этюд) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 1. С. 30-39.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 2000. 472 с.
4. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М.: Юридическая литература, 1967. 468 с.
5. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. М., 1983. Т. 3. 750 с.
6. Егоров О.Г. Общество и право в литературном наследии М.Е. Салтыкова-Щедрина // Общество и право. 2012. №

3 (40). С. 282-288.

7. Клименко Т.В. Справедливость как принцип права // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1 (4). С. 135-137.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 1998. 348 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Ок. 53 000 слов. М.: Мир и образование, 2006. 1198 с.
10. Платон. Государство. СПб., 2007. 752 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. М.: Эксмо, 2008. 648 с.
12. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Алгоритм, 2012. 656 с.
13. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом славянской книги, 2008. 959 с.
14. Шевченко Е.С., Макарычев А.В. О некоторых особенностях художественно-правового нарратива в русской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. 24 (2). С. 119-124.

The law is harsh, but fair? (Based on the novel by M.E. Saltykov-Shchedrin “Gentlemen Golovlevs”)

Aleksei A. Shibanov

Applicant,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Alexeytranslate@gmail.com

Abstract

The article examines the content and the correlation of the concepts of justice and law in the aspect of socio-philosophical, legal and religious studies. The main objectives of the work are: to identify the semantic features of the concept of justice; to determine the role of laws in the implementation of the idea of justice at various stages of the historical development of social thought; to study the correlation of the analyzed concepts as complementary and defining concepts on the example of the novel by M.E. Saltykov-Shchedrin “Gentlemen Golovlevs”. The analysis allows to conclude that justice, as an absolute category, contains elements of injustice, the proportion of which depends on the level of development of society. Representatives of the Russian classical literature of the XIX century (including M.E. Saltykov-Shchedrin), with their eternal desire for a detailed analysis of the contradictions of social reality, could not ignore the problem under consideration, since justice and law are the criteria that determine the spiritual component of the existing social system, and therefore its viability. The article presents an analysis of the figurative system of the novel by M.E. Saltykov-Shchedrin “Gentlemen Golovlevs”, which allows to conclude that for each of the characters, the idea of justice and law has its own subjective meaning. Saltykov-Shchedrin clearly shows that formal compliance with both religious and secular laws, even if it is impeccable, does not allow achieving justice. Laws are subjective and relative, which means that the concept of justice is relative and subjective, and vice versa.

For citation

Shibanov A.A. (2022) *Zakon surov, no spravedliv?* (Po romanu M.E. Saltykova-Shchedrina «Gospoda Golovlevy») [The law is harsh, but fair? (Based on the novel by M.E. Saltykov-Shchedrin “Gentlemen Golovlevs”)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (4A), pp. 330-339. DOI: 10.34670/AR.2022.35.44.042

Keywords

Law and literature, categories of morality and law, philosophical and legal concepts, concepts of justice and law, social reality, figurative system of the work, subjective meaning.

References

1. Aristotle. *Nikomakhova etika* [Nicomachean ethics]. Available: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf [Accessed 06/06/2022]
2. Durmanov N.D. (1967) *Sovetskii ugovnyi zakon* [Soviet criminal law]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.
3. Egorov O.G. (2012) Obshchestvo i pravo v literaturnom nasledii M.E. Saltykova-shchedrina [Society and law in the literary heritage of M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 3 (40), pp. 282-288.
4. Evgen'eva A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow. Vol. 3.
5. Guseinov A.A., Apresyan R.G. (2000) *Etika* [Ethics]. Moscow: Gardariki Publ.
6. Klimenko T.V. (2011) Spravedlivost' kak printsip prava [Justice as a principle of law]. *Vektor nauki TGU* [Vector of science TSU], 1 (4), pp. 135-137.
7. Komarov S.A. (1998) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Moscow: Yurait Publ.
8. Ozhegov S.I. (2006) *Slovar' russkogo yazyka. Ok. 53 000 slov* [Dictionary of the Russian language. 53,000 words]. Moscow: Mir i obrazovanie Publ.
9. Plato (2007) *Gosudarstvo* [The State]. St. Petersburg.
10. Saltykov-Shchedrin M.E. (2008) *Gospoda Golovlevy* [Gentlemen Golovlevs]. Moscow: Eksmo Publ.
11. Shevchenko E.S., Makarychev A.V. (2018) O nekotorykh osobennostyakh khudozhestvenno-pravovogo narrativa v russkoi literature [On some features of the artistic and legal narrative in Russian literature]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology], 24 (2), pp. 119-124.
12. Solov'ev V.S. (2012) *Opravdanie dobra* [Justification for goodness]. Moscow: Algoritm Publ.
13. Ushakov D.N. (2008) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya* [Big explanatory dictionary of the Russian language: modern edition]. Moscow: Dom slavyanskoi knigi Publ.
14. Velichko A.M. (2013) Zakon i spravedlivost' (filosofsko-pravovoi etyud) [Law and Justice (Philosophical and Legal Study)]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 1, pp. 30-39.